

ТРУДОВОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.22

СУБЪЕКТИВНОСТЬ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЯНИЕМ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА И НЕПОЛУЧЕННОЙ ПРЕДПРИЯТИЕМ, УЧРЕЖДЕНИЕМ, ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПРИБЫЛИ КАК ЯВЛЕНИЕ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Дмитрий ТИМОШЕНКО,
аспирант кафедры трудового права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

SUMMARY

The theoretical research of causation-consequential relation between unlawful act of an official and profit loss of the enterprise, institution, organization is provided in the article. The analysis of legal and philosophical literature on research of the question of objectivity and subjectivity causation-consequential relation is carried out. The crucial idea is that in labor law causation-consequential relation between unlawful act of an official and loss of profit of the enterprise, institution and organization is the subjective category, which exists in human mind only.

Key words: causation-consequential relation, causality, loss of profit, materialism, idealism.

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование причинно-следственной связи между противоправным деянием должностного лица и неполученной предприятием, учреждением, организацией прибылью. Осуществляется анализ юридической и философской литературы по исследованию вопроса об объективности и субъективности причинно-следственной связи. Основная идея состоит в том, что в трудовом праве причинно-следственная связь между противоправным деянием должностного лица и неполученной предприятием, учреждением, организацией прибылью является субъективной категорией, то есть такой, которая существует исключительно в сознании человека.

Ключевые слова: причинно-следственная связь, причинность, неполученная прибыль, материализм, идеализм.

Постановка проблемы. Науке известно две точки зрения в вопросе о причинно-следственной связи: причинно-следственная связь – явление либо объективное, либо субъективное.

Б.С. Антимонов указывает на то, что любая теория причинной связи должна отвечать на первый вопрос о том, где искать эту связь: в мире фактов, вещей или в мире идей, представлений. Есть ли причинная связь, объективная связь фактов, или это нечто, только приписываемое нами вещам? [1, с. 67].

В современной науке не только не утихает, а наоборот, приобретает еще более острые формы борьба между сторонниками материалистического и идеалистического понимания принципа причинности. Это объясняется прежде всего тем, что вопрос о причинности занимает важное место в борьбе материализма и идеализма как двух противоположных взглядов на мир [2, с. 478]. Что и подтверждает **актуальность темы исследования.**

Состояние исследования. Вопросу об объективности и субъективности причинно-следственной связи посвятили свои научные работы такие ученые, как М. Бунге, Д. Юм, О.С. Иоффе, Б.С. Антимонов, З.Б. Соктоев, Л.Д. Донська, Н.Н. Ярмыш, В.Б. Малинин и другие.

В.И. Ленин писал: «Перед нами два философских направления в вопросе о причинности. Одно «pretендует объяснять вещи телесными причинами» <...> Другое сво-

дит «понятие причины» к понятию «метки или знака», служащего «для нашего осведомления» (богом)» (Ленин В.И. Сочинения. – Т. XIII. – С. 24) [1, с. 67].

Аналогичный вопрос задает М. Бунге: «Каков статус категории причинности? Является ли она формой взаимозависимости и, следовательно, имеет ли она онтологический статус? Или она является чисто эпистемологической категорией, имеющей отношение, если вообще его имеет, исключительно к нашему описанию опыта?» [2, с. 16].

Профессор Г.В. Васецкий также обращает внимание на то, что в вопросе о причинности существуют два основоположных взгляда: «Высказываются самые различные взгляды на причинность. Но как бы ни отличались по форме, по словесному облачению эти взгляды, их можно свести к двум противоположным точкам зрения. Одна большая группа естествоиспытателей и философов исходит из того, что причинность существует вне сознания людей, объективно, в самой природе и познается человеком. Сторонники этой точки зрения признают причинность как закономерную связь всех явлений объективного мира, то есть стоят на точке зрения материализма <...> Другая группа представителей естествознания и философии придерживается диаметрально противоположной точки зрения на причинность, закономерность. Они считают, что вне и независимо от ощущений, сознания человека или от мифической духовной силы никаких при-

чинных, закономерных связей не существует, что законы являются порождением либо некой божественной силы, либо сознания субъекта» [2, с. 477].

Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины касательно защиты прав инвесторов» от 13 мая 2014 г. № 1255-VII введено новшество в институт материальной ответственности, согласно которому работодателю имеет право привлечь должностное лицо к материальной ответственности за неполученную предприятием, учреждением, организацией прибыль.

В связи с этим возникает вопрос: каким явлением является причинно-следственная связь между противоправным деянием должностного лица и неполученной предприятием, учреждением, организацией прибылью – объективным и существует вне и не зависимо от сознания человека, или субъективным и существует только в сознании человека?

Изложение основного материала. В.И. Ленин пишет: «Субъективистская линия в вопросе о причинности является философским идеализмом. <...> Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека является материализмом» (Ленин В.И. Сочинения. – Т. XIII. – Стр. 127) [1, с. 67].

Таким образом, вопрос об объективности или субъективности причины – философский вопрос. Спрашивается: какое отношение он имеет к практическим задачам науки права, в частности трудового права? Некоторые юристы пытались отрицать значение философского решения для юриспруденции как науки практической. Т. Трегер, например, писал: «Нас не занимает вопрос о сомнениях Д. Юма об оправдании понятия причинности. Мы не задумываемся над вопросом о постижимости причины и следствия <...> и над тем, есть ли закон причины <...> Юрист желает лишь знать, что следует разуметь под словами закона, когда последний говорит о причинении смерти, увечья или повреждения вещей» [1, с. 67]. К. Рюмелин не менее выразительно подчеркивал желательность философской беспартийности для юристов, для которых «должно быть безразличным, признают ли правильной систему трансцендентального идеализма или реализма, исходят ли из реально действующих причин или принимают казуальность лишь за форму нашего познания» [1, с. 67].

На понимании причинности как умственной конструкции, как чисто субъективного феномена особенно настаивали последователи Дж. Локка: Дж. Беркли и Д. Юм, а также И. Кант [2, с. 17].

Б.С. Антимонов отмечает, что и целый ряд юристов пришел к открытому полному отрицанию объективной причинной связи. Среди них выделяются в особенности А. Меркель и А. Гесс [1, с. 67].

Согласно учению современного эмпиризма статус категории причинности является чисто эпистемологическим, то есть причинность имеет отношение исключительно к нашему опыту и познанию вещей, не являясь чертой самих вещей, отчего всякое рассуждение о причинности должно выражаться в формальном, а не материальном виде речи. Так, Дж. Локк предлагал следующее определение, согласно которому то, что производит какую-нибудь простую или сложную идею, мы обозначаем общим именем «причина», а то, что производится, – именем «следствие». Более того, Дж. Локк считал, подобно тому, как после него считал И. Кант, что принцип причинности является «истинным принципом рассудка» – предложением с фактическим содержанием, но не установленным при помощи внешних чувств [2, с. 17].

Но в то время как Дж. Локк рассматривал причинность как связь, признавая производительность ее отличительным признаком, его последователи считали, что причинность является только отношением, и более того, отношением, связанным с опытом, а не с фактами вообще. Д. Юм особенно подчеркивал этот момент на том основании, что эмпирически нельзя проверить, что причина производит или вызывает действие; эмпирически можно проверить только то, что (воспринимаемое в опыте) событие, называемое «причиной», неизменно ассоциируется с (воспринимаемым в опыте) событием, называемым «действием», или сопровождается им, – довод, который, конечно, основан на предположении, что только эмпирические сущности входят в любое рассуждение о природе или обществе [2, с. 18].

Для Т. Гоббса сама философия является познанием следствий на основании знания причин и наоборот: «И если многие не могут понять (пока им это не доказано), что всякие изменения имеют своей причиной движение, то это происходит не в силу неясности этого факта (ибо ясно, что ни одна вещь не выходит из своего состояния покоя и не меняет своего движения иначе, как вследствие другого движения), а или в силу того, что естественная способность понимания этих лиц затемнена традиционно унаследованными учениями, или же в силу того, что они вообще не дают себе серьезного труда исследовать истину» (Гоббс Т. Избранные сочинения. – М., 1926. – С. 6). Таким образом, серьезное исследование закона всеобщей казуальности, по убеждению Т. Гоббса, может лишь укрепить его. По мнению же Д. Юма, такое исследование способно лишь посеять сомнения в существовании этого закона. Разрушение теоретического фундамента под интуитивным убеждением людей в объективном существовании причинно-следственных отношений – наиболее важное обоснование скептической философии Д. Юма в целом [3, с. 125].

И.С. Нарский обращает внимание на то, что если бы существование объективных причинно-следственных отношений было опровергнуто или хотя бы поставлено под сомнение, то это «если» не выбило бы полностью почвы из-под тезиса о существовании внешнего мира как причины впечатлений субъекта, но, во всяком случае, подорвало бы его. Если же, наоборот, объективное существование причинно-следственных отношений будет доказано, то исследование будет направлено не только на выявление структуры причинно-следственных связей, но и на выявление объективной природы внешнего мира как причины наших впечатлений и на анализ механизма связи внешнего мира с воспринимающим сознанием. Таким образом, проблема причинности и основной вопрос философии тесно связаны [3, с. 125].

Эта связь тем более тесна, что каузальный аспект присущ также отношению человеческого мозга и сознанию как его функции. Странно поэтому считать, что «между мыслящим телом и мышлением существует не отношение причины и следствия, а отношение органа к функции, к способу его действия» (Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М.: Наука, 1964. – С. 27).

Не считая себя субъективным идеалистом, Д. Юм был противником как материализма, так и теологических форм супранатурализма. Агностическое отношение к причинности сопутствует не только скептицизму в онтологии. Как показывает пример Д. Юма, оно может уживаться и с верой в существование внешнего мира, то есть с уступкой материализму, и с верой в существование сверхъестественных и непостижимых причин, то есть с реабилитацией абстрактной религии. С другой стороны, религиозный

идеализм – очень ненадежный союзник каузализма, то есть убеждения в существовании объективной причинности. Если у Декарта это убеждение было основой принятого им доказательства бытия бога, то в философии Дж. Беркли вера в существование верховной спиритуальной причины, наоборот, стала предпосылкой прямого отрицания каузальных отношений в эмпирическом мире [3, с. 126].

Дж. Беркли считал, что связи, наблюдаемые между «идеями» (ощущениями), «заклучают в себе отношение не причины и действия, а только отметки или значка и вещи означаемой» (Беркли Д. Трактат о началах человеческого знания. – СПб., 1905. – С. 109), то есть, иными словами, предупреждают о возможном появлении определенных ощущений, позволяют ожидать именно их. Бог же оказывается в философии Дж. Беркли абсолютной причинной не только в том смысле, что он есть причина всего сущего, но и в том, что он есть причина восприятия душами ощущений именно в виде «внешних объектов» и истолкования ими этих объектов в качестве причин ощущений [3, с. 126].

Что же касается философии Д. Юма, то именно его агностицизм в вопросе о причинности толкал к идеализму. В этом вопросе Д. Юм пытался расшатать философский материализм в теории, несмотря на допущение им (Д. Юмом) веры во внешний мир на практике [3, с. 126].

Д. Юм настаивал на том, что внешний мир непознаваем и невозможно познать, как именно он воздействует на психику субъекта. Этот тезис ученого способствовал настойчивым стремлением доказать субъективность понятия причинно-следственной связи [3, с. 127].

И.С. Нарский указывает, что характер исследования причинности Д. Юмом был в некоторой степени предопределен тем, что он включил каузальное отношение в классификацию ассоциативных связей человеческой психики наряду с ассоциациями по сходству и по смежности во времени и пространстве. Д. Юм выделил причинно-следственное отношение в особую разновидность, видимо, потому, что оно отличается от других видов психологической ассоциации особой навязчивостью и в то же время в меньшей степени зависит от характера самих ассоциируемых впечатлений: ведь ассоциация по сходству предполагает качественное родство между впечатлениями, а ассоциация по пространственной смежности применима лишь к протяженным и локализуемым в пространстве явлениям [3, с. 128].

Как бы то ни было, причинно-следственная связь как предмет теоретического рассмотрения относится, по Д. Юму, к числу продуктов психической деятельности, а не есть нечто объективно предстоящее субъекту [3, с. 129].

С точки зрения юриста А. Меркель, который отрицал объективность причинно-следственной связи, причинная связь существует тогда, когда она представляется существующей «правильному мышлению». По мнению юриста-единомышленника А. Гесса, объективная причинная связь – это сказка; существует лишь возможность определить каузальность поведения, исходя из этической его оценки; если человек мог поступить иначе, если он мог изменить ход событий, то оставшийся без изменения фактории есть причина. Итак, без человека и вне человека нет якобы ни причин, ни следствий [1, с. 68].

Иным взглядом на причинность является материалистическая точка зрения в вопросе о причинно-следственной связи.

Так, М. Бунге сформулировал противоположный идеалистическим воззрениям тезис: причинность является не категорией отношения между идеями, а категорией связи и детерминации, соответствующей действительной черте

фактического (внешнего и внутреннего) мира, и таким образом, она имеет онтологический статус, хотя она, подобно каждой другой онтологической категории, влечет за собой эпистемологические проблемы. Причинность, как понимает ее аргентинский ученый, является не только компонентом опыта, но также представляет собой и объективную форму взаимозависимости, существующую, хотя только приблизительно, между реальными событиями, то есть между событиями в природе и обществе [2, с. 18].

Профессор Г.С. Васецкий отмечает, что М. Бунге справедливо рассматривал причинные взаимоотношения в реальном мире в неразрывной связи с общими законами. Исходными положениями в понимании причинности для М. Бунге служит признание, во-первых, законов сохранения материи, во-вторых, закономерной обусловленности всех процессов [2, с. 479].

Критикуя такую разновидность идеализма, как кантианство, М. Бунге выражает твердую уверенность в возможности и необходимости познания законов, которые выражают существенные связи между предметами и неотделимы от последних. Совершенно других позиций придерживаются сторонники кантианства. Они считают, что законы, причины – продукт творчества субъекта, а поэтому не только существуют независимо от предметов или вещей в себе, но и предшествуют им, порождают их [2, с. 481].

Основоположником объективного идеализма принято считать Платона. Философские воззрения выдающегося древнегреческого философа, имеющего многих последователей, основаны на его представлении о мире, разделенном на вещи и идеи (eidos). Согласно платоновскому учению необходимо различать обыденное сознание с его чувственным восприятием вещного (предметно-материального) мира и абстрактное мышление, позволяющее получать знание об истинном, подлинном, сверхприродном мире идей. По Платону, все возникающее образуется благодаря некоторой причине, а причина всего существующего находится в идеях [4, с. 25].

Обобщение и развитие взглядов античных мыслителей на причинность, до сих пор поражающих широтой охвата проблемы, было осуществлено Аристотелем. Философия Аристотеля отличается тем, что в ней нашли отражение материалистические и идеалистические концепции, успешно сосуществовали диалектика и метафизика. Притом что за всю историю человечества ни одно философское учение не предложило удовлетворительного хотя бы на какой-то период времени решения проблемы, ни один философ не проанализировал и не систематизировал категорию причинности в такой мере, чтобы это можно было бы сравнить с широтой аристотелевского анализа и систематизации. Прежде всего, имеем в виду учение Аристотеля о четырех причинах, изложенных автором в его первой книге «Метафизика».

Для того чтобы определить причину вещей или явлений, необходимо задаться, согласно Аристотелю, не одним, а четырьмя различными вопросами, и то только при ответах на все эти четыре вопроса будет выведено необходимое и достаточное понятие искомой причины: «... одной такой причиной мы считаем сущность или суть бытия вещи (ведь каждое «почему» и есть причина и начало); другой причиной мы считаем материю или субстрат <...> третьей – то, откуда началось движение; четвертой – причину, противоположную последней, а именно «то, ради чего» или благо (ибо благо есть цель всякого возникновения и движения)» [4, с. 26–27].

З.Б. Соктоев отмечает, что на протяжении почти полутора тысячелетий с Аристотелем было связано все самое продуктивное, что появлялось в области философии. Аристотелевское понимание причинности в различных ее вариантах господствует до конца XVI – начала XVII в. Это определение сохраняет, в частности, средневековая схоластика, однако ничего более глубокого, принципиально развивающего это понимание не предлагает [4, с. 27].

Учение французских материалистов XVIII в. о причинности разрабатывалось в противовес всевозможным теологическим, идеалистическим и агностическим представлениям. Положение о том, что все в мире имеет естественные причины, является одним из краеугольных во французском материализме XVIII в. и включается в сами определения природы и Вселенной. Опирающийся на прочную естественнонаучную основу детерминизм французских материалистов имел вместе с тем глубокие философские корни, развивая соответствующие идеи Демокрита, Ф. Бэкона, Декарта, Б. Спинозы [5, с. 82].

Французские материалисты настаивали на том, что поскольку во Вселенной существует лишь движущаяся материя, то в природе могут быть лишь естественные причины и следствия [5, с. 84].

З.Б. Соктоев в своем труде высказывает мнение, что нет и не может быть особого юридического или уголовно-правового понятия причинной связи, отличного от понимания причинности в философии, именно потому, что причинная связь – это прежде всего философская категория [4, с. 14].

Ученый отмечает на противопоставление воззрений материалистов, исследующих причинную связь как объективную, независимую от воли и сознания человека категорию, представления идеалистов, рассматривающих причинность как порожденную человеческим сознанием воображаемую связь между двумя явлениями, когда существуют только мыслящие существа, а остальной мир заключен исключительно в представлениях этих людей [4, с. 15].

В.Б. Малинин в вопросе об объективности и субъективности причинно-следственной связи придерживается мнения, что причинная связь есть объективная категория, существующая вне нашего сознания между явлениями внешнего мира. Она выражает такую зависимость явлений, при которой одно явление (причина) с неизбежностью порождает другое явление (следствие) [6, с. 25].

Причинность – всеобщий закон природы и общества. Этот закон одинаково распространяется на биологические, химические, физиологические, социальные и любые иные процессы и явления [6, с. 25].

С материалистической точки зрения причинность есть объективная, вне нас существующая связь между явлениями природы или общественной жизни. С точки зрения идеализма причинная связь есть форма нашего сознания; она существует только в нашем представлении об этом мире [6, с. 46].

Н.Н. Ярмыш в своей докторской работе указывает, что, безусловно, установление причинной связи между явлениями – это результат мыслительной деятельности человека, оперирование представлениями, то есть познавательный прием. Связь рассматривают как некое системное качество, как абстракцию, то, что невозможно «увидеть или пощупать», а можно лишь постичь мышлением. Нет сомнений, что причинная связь относится к тем объектам познания, которые М. Бунге называл «нечувственными», и потому постижимыми лишь посредством творческого воображения. В этом смысле к причинной связи, видимо, можно применять не так давно вошедшее в науку понятие виртуальности.

Виртуальным называют такой феномен, который по серьезным теоретическим или косвенным эмпирическим соображениям и констатациям может обладать объективным существованием, однако никогда и ни при каких условиях не может поддаваться прямому наблюдению [7, с. 49].

Дальше Н.Н. Ярмыш отмечает, что, очевидно, следует прислушаться к доводам тех ученых, которые вслед за К. Марксом подчеркивают «идеальный» характер связей. В своей докторской диссертации «Социокультурные аспекты объективных законов», написанной в 1996 г., это делает В.П. Капитон. Он ставит вопрос: «Можно ли подтвердить материальность связей и отношений?». Ученый рассуждает, что связь выражает не себя, а содержание «другого» – вещи, системы вещей; связи как объект исследования не имеют пространственных границ, им нельзя приписать существование, как вещам; если принять во внимание способ существования и выражения связей как своеобразное взаимоотражение вещей, то различие между связями и вещами – это различие, противоположность материального и идеального; связи как форма отображения свойств одной вещи в другой идеальны [7, с. 49–50].

Выводом Н.Н. Ярмыш является то, что сказанное выше об «идеальности» причинной связи отнюдь нельзя расценивать как отрицание объективного характера связей вообще и причинной в частности [7, с. 51]. Ученый пишет: «Мы полностью разделяем господствующее как в философии, так и в других сферах знания представление о том, что причинная связь объективна. Но, как подчеркивал еще Г.В.Ф. Гегель, отвлеченно говорить об объективности либо субъективности какого-либо явления не имеет смысла. Он предостерегал: кто захочет удержать эти определения в их абстрактности, тот найдет, что они «ускользают у него из рук раньше, чем он успеет оглянуться, и каждый раз он будет говорить как раз противоположное тому, что хотел сказать. Вопрос об объективности либо субъективности чего-либо можно решать только относительно какого-то конкретного явления, процесса, события» [7, с. 67].

Л.Д. Донська исходит из материалистического понимания причинной связи. Но при этом делает следующий вывод в своей работе. Причинная связь – это научная категория, обозначающая определенное онтологическое явление. Поскольку причинная связь – это научная категория, она является явлением гносеологии (эпистемологии), что отражает соответствующее онтологическое явление, которое может существовать не только в природе и обществе, но и в человеческом мышлении. Поэтому в философии исследуются как онтологические, так и гносеологические проблемы причинной связи. Такое утверждение наводит на конструктивный подход к философским концепциям причинной связи, в частности к концепциям эпистемологического направления. Возможно, утверждение Дж. Локка о том, что причинность является истинным принципом размышления, и есть несколько односторонним. Но вслед за Дж. Локком такое понимание причинности признавали Дж. Беркли, Д. Юм, И. Кант. Игнорировать этих философов или относиться к ним сугубо критически было бы опрометчиво, особенно при выборе философского подхода к юридическому исследованию причинной связи, поскольку в праве субъективный и эпистемологический аспекты причинной связи имеют не меньшее значение, чем онтологические аспекты этого явления. Итак, материалистический подход к причинной связи не исключает учета результатов

исследования причинной связи философами, которые по марксистско-ленинской классификации признавались принадлежащими к идеалистическому направлению в философии [8, с. 23–24].

Мы полностью согласны с Н.Н. Ярмыш в том, что вопрос об объективности либо субъективности причинно-следственной связи можно решать только относительно конкретного явления или процесса. Категория «неполученная прибыль» является гражданской категорией. Для трудового права она новая и ее определение в трудовом законодательстве отсутствует. Сами цивилисты не задаются вопросом о субъективности или объективности причинно-следственной связи конкретно между правонарушением и неполученной предприятием, учреждением, организацией прибылью. Они рассматривают причинность обобщенно.

Чтобы определиться с вопросом об объективности или субъективности причинно-следственной связи между противоправным деянием должностного лица и неполученной предприятием, учреждением, организацией прибыли, нужно в первую очередь выяснить, что собой представляет такое последствие, как неполученная прибыль.

Статья 22 Гражданского кодекса Украины определяет неполученную прибыль как доходы, которые лицо могло бы реально получить при обычных обстоятельствах, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Таким образом, упущенная выгода (неполученные доходы) – это доходы, которые лицо могло бы реально получить при обычных обстоятельствах, если бы его право не было нарушено. Упущенная выгода отражает разницу между реально возможным в будущем, потенциально полученным при обычных обстоятельствах имуществом и уже имеющимся имуществом.

Упущенная выгода отличается от реальных убытков тем, что на момент совершения правонарушения она является только возможной (будущей), а не наличной имущественной потерей, а также ее размер можно установить лишь приблизительно, с некоторым предположением [9, с. 376].

В научно-практическом комментарии к Гражданскому кодексу Украины отмечается, что упущенная выгода заключается в том, что вопреки ожиданию имущественные активы субъекта не увеличились [10, с. 243].

Тогда можно ли говорить, что неполучение предприятием, учреждением, организацией прибыли является объективным явлением, то есть таким, которое находится вне человеческого сознания и существует независимо от него? Конечно же, нет. Когда мы говорим о неполучении прибыли, мы подразумеваем то, что могло бы быть, но не осуществилось. Однако в мире ничего не произошло, но могло бы быть при отсутствии правонарушения. Потому неполученная прибыль, то есть то, что могло бы быть, подразумевается человеческим умом и существует только в человеческом сознании.

Мы согласны с О.С. Иоффе, что неполучение плановой прибыли, рассуждая натуралистически, – это скорее ненаступивший результат, нежели реально возникшее последствие. Но тот же факт приобретает совершенно иное качество, если его рассматривать под углом зрения имущественных отношений, в сфере которых он наступил. Имущество в его широком понимании представляет собой совокупность не вещей, а прав и обязанностей, принадлежащих данному лицу, следовательно, выражает определенный комплекс общественных отношений, участником которых это лицо является. Нарушить общественные отношения – оказать отрицательное воздействие на их разви-

тие либо путем снижения уже достигнутого уровня, либо путем создания препятствий на пути к его дальнейшему подъему. Неполученной плановой прибылью убытки именуются в тех случаях, когда они заключают в себе препятствие на пути к достижению нового, более высокого развития данных общественных отношений, что получает свое выражение в стабильном, неизменном состоянии имущества, принадлежащего потерпевшему [11, с. 205–206].

Сами же отношения приписываются нами, людьми, и существуют только в сознании человека.

Однако если последствие (неполученная прибыль) существует субъективно, то есть в сознании человека, то и причинно-следственная связь между этим последствием и правонарушением тоже будет субъективной и будет существовать только в сознании, но не объективно, то есть независимо от нашего сознания. Естественной причинно-следственной связи при неполученной прибыли (упущенной выгоде) нет, а есть специальная юридическая причинно-следственная связь, отличающаяся от общепризнанных представлений, где общепринятым является материалистическое воззрение на причинность.

О.С. Иоффе писал: «Когда, например, автомашина, принадлежащая таксомоторному парку, кем-либо повреждается, то между причиной, приведшей к ее повреждению, и самим фактом повреждения машины еще можно установить естественную связь. Но какая «естественная связь вещей» существует между фактом повреждения такси и неполучением определенной прибыли таксомоторным парком на протяжении времени, когда машина стояла на ремонте? Неполучение прибыли является убытком, который, в отличие от положительного ущерба в имуществе, не имеет, если можно так выразиться, своего «естественного основания», а представляет собой только общественную категорию. Перед нами причинная связь, которая не исчерпывается «естественной связью» между вещами и не может быть сведена к ней» [11, с. 217].

Выводы. Итак, в вопросе об объективности или субъективности причинно-следственной связи нужно исходить из конкретного случая, процесса или явления. Считаем, что причинно-следственная связь между противоправным деянием должностного лица и неполученной предприятием, учреждением, организацией прибыли является субъективной категорией, то есть такой, которая существует только в сознании человека, но не существует вне него. Само по себе следствие (неполученная прибыль) – не реальный результат, а только подразумевается нами как такой, который не наступил в силу правонарушения. Потому и причинно-следственная связь только приписывается нами.

Список использованной литературы:

1. Антимонов Б.С. К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве / Б.С. Антимонов // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук (1–6 июля 1946 г.). – 1948. – С. 62–79.
2. Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке / М. Бунге. – пер. с англ. – М. : Изд-во иностр. л-ры, 1962. – 511 с.
3. Нарский И.С. Философия Давида Юма / И.С. Нарский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 357 с.
4. Соктоев З.Б. Теоретико-методологические основы причинности в уголовном праве : [монография] / З.Б. Соктоев ; под. ред. И.Э. Звечаровского. – М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2012. – 311 с.

5. Кузнецов В.Н. Французский материализм XVIII века / В.Н. Кузнецов. – М. : Мысль, 1981. – 303 с.
 6. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве / В.Б. Малинин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2000. – 316 с.
 7. Ярмыш Н.Н. Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой анализ) / Н.Н. Ярмыш ; под науч. ред. В.В. Сташис. – Х. : Право, 2003. – 512 с.
 8. Донська Л.Д. Причинний зв'язок у цивільному праві України : дис. ...канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Цивільне право, сімейне право, цивільний процес, міжнародне приватне право» / Л.Д. Донська. – О. : Б. в., 2006. – 181 с.
 9. Цивільне право : [підручник] : у 2 т. / [В.І. Борисова, Л.М. Баранова, Т.І. Бегова та ін.] ; за ред. В.І. Борисової, І.В. Спасибо-Фатєєвої, В.Л. Яроцького. – Х. : Право, 2012. – Т. 1. – 2012. – 565 с.
 10. Цивільний кодекс України. Науково-практичний коментар (пояснення, тлумачення, рекомендації з використанням позицій вищих судових інстанцій, Міністерства юстиції, науковців, фахівців) / за ред. проф. І.В. Спасибо-Фатєєвої. – Х. : ФО-П Колісник А.А., 2010. – Т. 1 : Загальні положення. – 2010. – 320 с.
 11. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. – Л. : Изд. Ленинградского унив., 1955. – 310 с.
-
-